

André
MAUROIS
1885–1967

Андре
МОРУА

Земля обетованная

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
М 80

André Maurois
TERRE PROMISE
Copyright © Editions Flammarion, Paris, 2000

Перевод с французского Ирины Волевич
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

© И. Волевич, перевод, 2015
© Е. Белавина, перевод стихов, 2015
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-11800-3

Посвящается Симоне

I

— Клер!.. Ну, иди же наконец, малышка!

Старая Леонтина, дородная, неотвязчивая и почти-тельная Леонтина, ждала, стоя у двери. Клер, сидевшая у камина на низком табурете, притворялась, что не слышит. Ей нравилось ощущать на себе горячее дыхание огня, которое обволакивало ее бока, спину, затылок. Она чувствовала себя совсем крошечной между почерневшими бронзовыми подставками для поленьев и втайне надеялась, что ее не увидят и забудут, оставив в этом приятном тепле на всю ночь.

— Клер!.. Ты что, не слышала Леонтину?

Вот в этом вопросе уже таилась угроза. Мама подняла голову, оставив на минуту красно-синюю даму на своей вышивке. Теперь необходимо было сказать хоть слово, чтобы выиграть время:

— Вы знаете, мама, сегодня днем я ходила кормить сахаром лошадей...

— Сейчас речь не о лошадях! Отправляйся спать!

Мама опустила глаза и воткнула иголку прямо в сердце красно-синей дамы. Девочка, в платьице с воротничком из ирландского кружева, вздохнула. Ей представилась холодная лестница, ведущая в башню, кровать с влажными простынями. В камине с треском развалилось полено, выбросив вверх сноп искр.

— Ой, мама, смотрите, какое большое пятно на стене!

Клер прекрасно знала, что никакое это не пятно, а светлый четырехугольник на обоях, — раньше там висела картина, и девочка смутно понимала, что ее таинственная пропажа каким-то образом связана с мыслью о разорении, об унижительной бедности.

— Клер! Довольно болтовни!

На сей раз это был голос полковника. Значит, битва проиграна. Девочка встала, еще на миг протянула к огню обнаженные руки, а затем подставила лоб родителям для дежурного поцелуя.

— Ну-ка, накинь, а то озябнешь, — сказала Леонтина, прикрывая плечики Клер вязаной пелеринкой.

Коридоры этого запущенного дома пахли плесенью. Ступеньки лестницы, ведущей в башню, были до того стары, что Клер то и дело оскальзывалась на их стертых краях. Она держалась за руку Леонтины, опираясь другой рукой на отсыревшую стену.

— Титина, из меня уже все тепло вышло...

— Ах ты, малышка! Мерзлячка ты моя! Ну что за напасть: от любого сквознячка ты прямо коченеешь!

Чтобы войти в комнату Клер, нужно было повернуть направо и забраться на полукруглую ступеньку, более высокую, чем остальные. В узеньком дровяном камине слабо тлел умирающий огонь. Красная плюшевая оконная портьера была стянута плетеным шнуром, с шишечкой на конце. Керосиновая лампа, стоявшая на комод, наполняла комнату едким запахом. Рядом с лампой, на маленьком алтаре, итальянская Мадонна, в голубой с золотом одежде, укачивала Младенца Иисуса. Сабли из дамасской стали и зеленые вышитые штандарты с узором из полумесяцев, развешенные на круговой стене, напоминали, что мужчины рода Форжо, от

отца к сыну, сражались в Африке. На четырех гравюрах были изображены: Жанна д'Арк, внимающая своим «голосам», Жанна на коронации, Жанна в Орлеане и Жанна на костре.

— Умойся, — сказала Леонтина, — и помолись.

Перед тем как преклонить колени, Клер подошла к огню.

— *Отче наш, сущий на Небесах...*

В этой молитве было одно слово, которое никак ей не давалось.

— *Хлеб наш насущный дай нам на сей день...*

— Что ты такое болтаешь! — воскликнула Леонтина. — Хлеб наш *насущный*... Нужно говорить точно так, как Господь нам заповедал!

— *Хлеб наш на-сущ-ный...*

— Ну, теперь читай *Ave Maria*.

— *Радуйся, Мария, благодати полная...* Титина, а что это значит: *благословен плод чрева Твоего Иисус?*

— Маленьких девочек это не касается. Теперь *Credo*...

Читая «Верую», Клер всегда представляла себе одни и те же картины: ясли, а рядом бык и вол; солдаты на крестном пути; витраж церкви Сарразака, где Святая Мадонна обретала черты тетушки Каролины Форжо, дарительницы этого витража.

— Ну а теперь ложись.

Клер нырнула в свою кровать, как пловец, ныряющий в холодную воду. Ей заранее было известно, что простыни окажутся сырыми: ведь она видела, как Мари развешивала их на веревках в саду как раз тогда, когда из долины поднимался туман. Стараясь избежать прикосновения влажного полотна, она свернулась калачиком, поджав коленки к подбородку.

— Ну, вот и умница! — сказала Леонтина. — Спокойной ночи, малышка!

— Титина, не оставляй меня одну, умоляю тебя!
Я боюсь!

— Боишься — это в шесть-то лет?! И не думай даже, не останусь! Докажи-ка, что ты дочь солдата.

Этот призыв к самолюбию неизменно оказывал нужное действие на Клер.

— Ладно, Титина... Но только прежде, чем уйдешь, спой мне песенку. Ты так хорошо поешь, Титина!

— Песенку... Ну, так уж и быть. Только одну! Ты которую хочешь?

— «Король Рено»!

Клер выкрикнула это название, не колеблясь ни секунды. Старая служанка пожала плечами, нежно взглянула в блестящие, устремленные к ней глаза, сжала холодную детскую ручонку и запела:

Король Рено вернулся с войны,
А руки своими кишками полны...

Клер ощущала одновременно и ужас, и удовольствие... «Кишки»... Какое страшное слово. Она явственно представляла себе бледного короля, которого держат под руки верные соратники; его красные, липкие от крови пальцы и капли крови, падающие в дорожную пыль... Она давно уже знала наизусть всю эту печальную историю — смерть короля Рено, горе его королевы:

Земля, откройся, развернись, земля,
Дай отыскать моего короля...
Земля разверзлась, ее приняла,
За королем она следом ушла...¹

Смысл песни девочке был непонятен. Что ей нравилось, так это облако грусти, окутывающее эту скорбную песнь.

¹ Перевод Е. Лазуткиной. (Здесь и далее примеч. перев.)

— Еще разочек, Титина!

— Нет-нет, тебе пора спать!

С этими словами Леонтина задула лампу, открыла дверь и проворно вышла.

— Титина! Я тебя умоляю!.. Не уходи! Мне так страшно в темноте!

Но грузные шаги уже стихали за поворотом башенной лестницы. Девочка дрожала, сжавшись в комочек и стиснув руками коленки. Огонь в камине временами просыпался, и вспыхнувшее пламя освещало стену с четырьмя гравюрами. В такие мгновения Клер успевала разглядеть Жанну д'Арк на костре и завидовала как славе, так и мученичеству святой.

«Огонь, милый мой огонек! Хоть ты не покидай меня! Они оставили меня совсем одну.. Посмотри, как несчастна Клер, как ей холодно... Бедная маленькая Клер!.. Огонь, милый мой огонек!..»

Но отсветы пламени на стенах быстро бледнели, а треск горящих поленьев звучал так слабо, что Клер приходилось напрягать слух, чтобы уловить его. И вот настала полная тишина. Ни один огонек уже не пробивался сквозь давящий ночной мрак. Борясь с безмолвием, Клер рассказывала себе какую-нибудь историю. Например, она — дочь короля, заключенная в этой башне, где страдает от холода и голода. По полу шныряют крысы, ползают змеи. Но в один прекрасный день она слышит на каменной лестнице чью-то легкую поступь, непохожую на шаги стражников. Это принц. Перед ним, как по волшебству, отворяются двери с массивными запорами. В тот самый миг, когда принц входил, огонь в камине ярко вспыхивал, озаряя темницу, и Клер, согретая этим воображаемым благодатным теплом, засыпала.

II

По воскресеньям Клер будили колокола, чей радостный медный гомон поднимался из долины, где была деревня. Открывая глаза, она видела перед собой, у постели, стул с разложенным на нем бархатным платьем, которое приготовила ей Леонтина. А под окнами, на гравии парадной аллеи, слышался топот лошадей, их запрягал в коляску старик Ларноди, по будням садовник, по воскресеньям кучер. Когда дочери исполнилось шесть лет, графиня Форжо решила брать ее с собой к обедне с певчими.

— По-моему, еще слишком рано! — заявил полковник. — Она соскучится и начнет шалить.

Полковник ошибался, как, впрочем, ошибался почти всегда, стараясь предугадать поступки живых существ. Клер очень понравились церковные ритуалы. Ее честолюбие тешили постоянные места их семьи в первом ряду, скамеечка с красной бархатной обивкой для коленопреклонений, медная дощечка со словами: «ПОЛКОВНИК ГРАФ ФОРЖО». Посмотрев налево, она могла увидеть витраж с изображением Благовещения; другой витраж, справа, представлял сцену бегства в Египет. Как только Клер научилась читать, она узнала, что оба витража пожертвованы семейством Форжо. А ниже, на оконном витраже, был изображен святой Симеон-мученик в виде отрока с длинными волосами: девочке рассказали, что для него когда-то позировал ее родной отец.

«А как же я? — думала она. — Будет ли когда-нибудь и у меня свой витраж? Так чтобы деревенские ребяташки говорили: „Видите эту святую? Это наша мадемуазель Клер!“»

Наступило 15 августа, и господин кюре, друг ее родителей, впервые поручил Клер собирать пожертвова-

ния; когда она на глазах у всей паствы, одна посреди клироса, преклонила колени перед алтарем, ей почудилось, что она сейчас упадет в обморок от счастья. Желание выделиться из общего ряда было для нее насущной потребностью. Это стремление блеснуть, таившееся в глубине ее души, зашло так далеко, что девочка не могла слушать рассказы о жертвоприношении — например, историю сына Авраамова или дочери Иевфая, — не вообразив при этом, со смесью ужаса и счастья, жертвой саму себя. Выступить центральной фигурой такого действия и страдать — вот что казалось ей и страшным, и восхитительным.

Но церковь подарила Клер не одни только утехи ее гордыни. Ей чудились божественные тайны в запахе ладана. Ее зачаровывали переливы голосов маленьких певчих. Ах, ну почему бы не принимать в церковный хор девочек?! Она, Клер, исполняла бы свои обязанности с таким усердием, с таким пылким восторгом и вниманием, тогда как грубость мальчишек оскорбляла ее, словно нечестивое вторжение в таинство службы. Она и не любила их, и завидовала им.

Клер часто грезила, внимая бархатным, мощным голосам органа. Деревне Сарразак повезло: ее органистом был настоящий музыкант, истинно артистическая натура, даром что робкого нрава, — Марсель Гонтран, сын одного из местных землевладельцев; его талант заслуживал лучшего удела. Когда он играл, Клер закрывала глаза и забывала обо всем на свете. Ее возносил в эмпирии всемогущий теплый поток музыки. Под ее сомкнутыми веками проплывали быстрые облака, мелькали цветные арабески, ритмично двигались сотни маленьких певчих в черных и красных одеяниях.

Одной из ее любимых забав было выдувание мыльных пузырей, и она умела наслаждаться тем коротким

мгновением, когда пузырь безупречной формы, тугой и радужный, вот-вот исчезнет и на него смотришь с восторгом и любовью, тем более жгучими, что гибель его неминуема. Вот и самые прекрасные музыкальные пассажи пробуждали в ее душе тот же боязливый восторг. Она была счастлива именно потому, что знала: через миг это счастье лопнет как мыльный пузырь. Сиреневые, желтые, голубые, красные блики скользили по хрупкому прозрачному шарик, созданному ее воображением. А потом звучал последний аккорд, разбивавший разом и образ, и очарование.

— *Oremus!*¹ — возглашал кюре.

III

Каждое воскресенье, выходя из церкви, родители вели Клер на кладбище. Могилы семейства Форжо находились в самом его центре, под охраной шеренги кипарисов, и казались командным пунктом батальонов других усопших. Клер с гордостью читала на плитах: «ГЕНЕРАЛ ГРАФ ФОРЖО, 1768–1845», «СЕНАТОР ГРАФ ФОРЖО, МЭР САПРАЗАКА, 1820–1892». Была здесь еще и детская могилка Патриса Форжо, умершего в возрасте десяти месяцев. Над ней стояла колонна с разбитой верхушкой. Ибо каждый умерший, будь он даже младенцем, имел право на свой памятник. Клер завидовала всем этим усопшим. Ей хотелось умереть молодой, совершив предварительно великие подвиги, дабы остаться блистательным воспоминанием в памяти живых.

Форжо, некогда французские крестьяне самой отборной породы, с XV века владели фермой близ Лимо-

¹ Помолимся! (*лат.*)

жа и занимались земледелием. Во времена Революции один из отпрысков этой семьи, Антуан-Артэм Форжо, вступил в армию. Став офицером в 1792 году, а затем, при Наполеоне, полковником и графом, он ушел в отставку в 1815-м, осел в Сарразаке, пристроил к дедовской ферме два дома, а затем купил маленький замок, возвышавшийся на холме, над деревней. Полковник Форжо окультурил обширные ланды и научил всю округу выращивать на них кукурузу. Когда началось завоевание Алжира, он, по просьбе короля, вернулся на военную службу и уже в чине генерала командовал одной из колонн, взявших Константину. В Сарразаке его бюст украшал площадь перед мэрией.

Его сын Пьер-Антуан Форжо в юности служил офицером в Алжире, а позже, подав в отставку, также осел на родине отцов, стал мэром Сарразака, сенатором от Верхней Вьенны, а в 1890 году в течение нескольких месяцев занимал пост министра сельского хозяйства. Рауль-Антуан Форжо, «сын предыдущего» и отец Клер, поступил в Сен-Сир и на удивление быстро сделал военную карьеру в Африке. Казалось, сама судьба сулила этому красавцу-мужчине с ярко-голубыми глазами, прекрасному всаднику, опытному воину, с его славным именем и личными качествами, высшие командные посты в армии. Однако во времена министра Комба и закона о конгрегациях¹ он внезапно оставил военную службу, притом что был самым молодым полковником Франции.

Дело полковника Форжо, ныне давно забытое, надеялось немало шума во французской прессе. Оно вызвало самые ожесточенные дискуссии в обществе, поставив

¹ *Луи Эмиль Комб* (1835–1921) — французский политический деятель, сенатор (1885–1903), министр просвещения (1895–1896), инициатор закона о конгрегациях (1902), запрещающего деятельность религиозных организаций в школах.

перед ним вопрос о свободе вероисповедания, который газеты трактовали, в зависимости от политической ориентации, каждая по-своему. Это было время, когда щуплый старичок с седой бородкой, которого карикатуристы правого толка изображали дьяволом во плоти, отказывал религиозным деятелям обоих полов в праве учить молодежь. Если монахи сопротивлялись, их изгоняли из монастырей с помощью жандармов. В Бретани и во многих других провинциях население протестовало и чинило препятствия этим репрессиям. Случилось так, что полковник Форжо, командовавший в Ренне драгунским полком, получил приказ отправиться в одну бретонскую деревню и закрыть школу, где детей учили монахини. Вернувшись домой в сильном волнении, он передал жене разговор, который состоялся у него с непосредственным начальником, генералом Леду. Госпожа Форжо, высокая сухопарая, энергичная дама, не колеблясь, высказала свое мнение:

— Вы не должны подчиняться, иначе вам грозит бесчестье.

— Не так-то это просто, — отвечал полковник. — Я ведь солдат и обязан выполнять приказы. Разве я имею право их обсуждать?

— Вы, прежде всего, христианин, — возразила мадам Форжо, — и не можете ставить человеческие приказы выше Господних.

Женщины вносят в государственные дела примитивный, почти дикарский пыл, который делает их такими сильными в сердечных делах. В спорах они с презрением отбрасывают аргументы и даже факты. Их епархия — любовь и ненависть, а отнюдь не справедливость. Мадам Форжо ненавидела министра Комба всеми силами души. Дай ей волю, она охотно содрала бы с него кожу, колесовала бы, сожгла живьем.

— И как только генерал, — возмущенно спросила она, — посмел отдать вам такой приказ?

Полковник стоял у камина, сгибая и разгибая колени машинальным движением всадника.

— Генерал, — ответил он, — всего лишь передал мне приказ префекта. Он не скрыл от меня, что сам не одобряет его.

— Но в таком случае, — торжествующе воскликнула мадам Форжо, — это вовсе не военный приказ, а всего лишь распоряжение гражданских властей!

— Мобилизация — тоже распоряжение гражданских властей, — сказал полковник.

Госпожа Форжо была женщиной твердого нрава. Урожденная Анриетта д'Окенвиль, из семьи мелкой нормандской знати, она выросла в бедности, почти в нищете, и к тридцати годам смирилась с тем, что останется старой девой, а потому начала активно работать в Красном Кресте. Откомандированная в Сенегал в качестве старшей сестры военного госпиталя, она ухитрилась на одной из конных прогулок одержать победу над майором Форжо, который и женился на ней в 1895 году. Сожалел ли он о своем поступке? Возможно. Женщины прежде любили его, он и теперь им нравился, так что, когда мадам Форжо устраивала прием для офицерских супружеских пар, ему случалось многозначительно переглянуться с какой-нибудь юной красоткой. Однако госпожа полковница крепко держала в руках и полк, и полковника.

— Вы должны осознать все последствия моего отказа, — сказал он. — Я пойду под трибунал...

— Ерунда, вас оправдают.

— Не уверен. Нынешняя армия — не та, что прежде. И в любом случае, даже если меня оправдают, я буду вынужден подать в отставку.

— Ну и прекрасно. Мы уедем в Сарразак, и вы займетесь земледелием.

— Дом в Сарразаке непригоден для житья, и вам это известно. Крыша протекает, а чтобы ее починить и привести в порядок хоть несколько комнат, нужны большие деньги, которых у меня нет.

— Но ваш брат может одолжить вам...

— Вряд ли. Шарль богат, но не склонен делиться своим добром. Да и мне неприятно обращаться к нему... Кроме того, Клер скоро исполнится семь лет. Неужели вам хочется запереть ее в деревне?

— А почему бы и нет? Лучше уж воспитывать девочку в деревне, чем оставить ей в наследство опозоренное имя.

Полковник вздохнул. Жена требовала от него жертвы, о которой еще вчера он и помыслить не мог. Он любил свою военную профессию, благодаря колониальным войнам быстро продвигался по службе и был уверен, что когда-нибудь добьется командования армейским корпусом. А впоследствии — кто знает — не выпадет ли ему шанс стать одним из вождей Реванша?!

— Хорошо, я пойду к генералу, — сказал он, застегивая свой доломан, — и попрошу его назначить другого офицера.

— А если он откажет? — спросила мадам Форжо.

Зная, что муж всегда держит слово, она хотела заручиться его твердым обещанием. Полковник колебался:

— Он не сможет мне в этом отказать.

— Вполне вероятно, но, если все-таки откажет, вы мне обещаете?

— Обещаю, — в отчаянии ответил полковник.

Генерал Леду, будучи кандидатом в члены Высшего военного совета, не желал ссориться с правительством,

каким бы оно ни было, и настаивал на своем приказе, подслащивая его учтивыми сожалениями. Полковник Форжо отказался выполнять приказ и был предан военному суду. Судьи — такие же военные — не могли его оправдать, провинность была слишком очевидной, да, впрочем, он и сам в ней сознался. Его приговорили к одневному тюремному заключению, обязав к тому же извиниться и одобрить действия начальства. Однако военный министр генерал Андре, располагавший политическими доносами на полковника Форжо, в которых его обвиняли как клерикала и реакционера, отстранил его от должности, иными словами, уволил из действующей армии, разрешив остаться в резерве с сохранением звания и быть призванным в случае мобилизации. Все офицеры гарнизона пришли на вокзал, чтобы проводить полковника в день его отъезда. Он был в штатском и держал за руку свою шестилетнюю дочь Клер. Что касается графини Форжо, гордившейся этой почетной немилостью, она, с ее ростом, возвышалась над всеми собравшимися и главенствовала на своем последнем приеме.

К перрону подошел поезд. Он должен был стоять в Ренне десять минут, и офицеры столпились подле вагона. Малышка Клер, на которую никто не обращал внимания, слушала их разговор. Она понимала, что произошло какое-то большое несчастье.

— Мама, а где Барнабе? — спросила она. — Разве он не поедет с нами?

— Нет, — резко ответила мадам Форжо. — Барнабе был ординарцем твоего отца, а ему теперь ординарец не положен.

— Но почему, мама?

— Я тебе уже двадцать раз объясняла: потому что он больше не командует полком.

Наконец поезд тяжело запыхтел и тронулся. Клер умолкла, глядя в окно на блестящую группу драгунов, которые щелкали каблуками и отдавали честь ее отцу.

IV

Возвращаясь в деревню, где вот уже целый век верховодила его семья, полковник Форжо тоже рассчитывал стать мэром и, таким образом, заняться политической деятельностью, в которой мог найти выход своей энергии. Но ему не удалось добиться избрания в муниципальный совет, и он горько сетовал на «скверный дух», воцарившийся в этой глухомани. Он не понимал, что перебежчиками были, в первую очередь, именно члены семейства Форжо, а не провинция Лимузен. Его дед представлял в этих краях передовые слои общества — бонапартистов, затем орлеанистов, то есть противников традиционной монархии. Его отец стал республиканцем, умеренным, но либеральным, и недругом Мак-Магона. А сам полковник, представитель третьего поколения Форжо, был врагом Республики в глазах местных фермеров-радикалов, которые с неудовольствием смотрели на возвращение в их деревню человека, сурово осужденного «папашей Комбом» и его газетами. Что же касается окрестных помещиков, которые некогда избегали знакомства с «этими Форжо» — аристократами наполеоновского разлива, они, напротив, восхищались теперь отважным поведением полковника в деле с конгрегациями и поначалу оказали им теплый прием. Однако вскоре быстро охладели к полковнику, узнав, что он не верит в виновность Дрейфуса.

— Ну, подумайте, господин полковник, его же дважды осудил трибунал! — говорили ему.

— Я знаю, — отвечал он, — знаю, но я друг майора Бреона, порядочнее которого нет человека на свете, а он

голосовал за оправдание. Так вот Бреон лично сказал мне, что в деле нет никаких доказательств вины. И, кроме того, вспомните о самоубийстве Анри...¹

Узнав об этом отзыве, многие окрестные дворяне заключили: «Горбатого могила исправит!»

Госпожа Форжо, даром что фанатичная роялистка и антидрейфусарка, попала в немилость к соседям заодно с мужем и выместила на нем свое раздражение. Забыв, что именно она вынудила полковника подать в отставку, она обвиняла его в том, что он обрек ее на жалкое существование в этой глухой провинции.

Клер плохо понимала, какое положение занимает в этих краях ее семья. В глазах детей арендаторов, которые разговаривали с ней робко и почтительно, она была дочерью владельца замка, олицетворением богатства и могущества; однако по разговорам, которые она слышала вечерами в гостиной, девочка догадывалась, что ее родителей крайне заботит нехватка денег. Она знала, почему исчезают со стен картины — их продавали. И если ей случалось высказать какое-нибудь желание, отец с горечью отвечал:

— А платить кто будет?

В непогоду с монументальной крыши замка то и дело срывались старые черепицы, и полковнику это не давало покоя.

— Титина, а шестьдесят тысяч франков — это много? — спрашивала Клер.

¹ *Дело Дрейфуса* — во Франции судебный процесс 1894 г. и последовавший социальный конфликт (1896–1906) по делу о шпионаже в пользу Германской империи офицера французского Генерального штаба, еврея родом из Эльзаса (на тот момент территории Германии), капитана Альфреда Дрейфуса (1859–1935), разжалованного военным судом и приговоренного к пожизненной ссылке на основании фальшивых документов и на волне сильных антисемитских настроений в обществе. Полковник Анри, уличенный в подделке документов с целью опорочить Дрейфуса, был арестован и покончил с собой в тюрьме.

— А почему тебя это интересует?

— Потому что вчера вечером папа сказал: «Необходимо достать шестьдесят тысяч франков на черепицу, иначе стропилам конец». Титина, а кто такие «стропила»?

— Как-нибудь на днях сведу тебя на чердак и покажу.

Клер была очень одинокой девочкой и потому со жгучим интересом прислушивалась к разговорам родителей. Почти каждый вечер полковник, прочитав газету, сокрушенно комментировал события прошедшего дня:

— Ну и нелепица!

Мадам Форжо, склоненная над своей вышивкой, поднимала голову.

— Какая нелепица, Рауль? — осведомлялась она.

В этот вечер полковник, по своему обыкновению, вскочил с кресла и, заложив руки за спину, начал кружить по комнате, точно зверь в клетке:

— Представь себе: этот господин Пелльган, министр Морского флота, сидя в Бизерте, смеет бросать вызов всему миру от имени Франции! Он утверждает, что Корсика целит прямо в сердце Италии, что Бизерта и Тулон угрожают Мальте и Гибралтару... Нет, вы только послушайте!

Схватив на ходу газету, он остановился возле лампы и прочел:

— «Разумеется, я отнюдь не желаю международного конфликта как с Англией, так и с Италией, но, поскольку нам неизвестно, что затевает противная сторона, наш долг — готовиться к священной войне за нашу родину Францию против ее врагов, кем бы они ни были...» А когда председателя совета упрекают в поджигательских речах его министра, знаете, что он отвечает? «Стоит ли придавать значение необдуманно сказанным словам,

вырвавшимся в подогретой атмосфере застолья...» Черт подери! Если господин Комб так скептически относится к импровизациям господина Пелльтана, зачем же он доверяет ему национальную безопасность? Почему разрешает ему грозить всему миру, да еще в тот момент, когда мы не готовы к войне?!

Мадам Форжо пожала плечами и не произнесла ни слова. Казалось, она питает к мужу скрытую неприязнь: время от времени она бросала на него пренебрежительный взгляд, который Клер, с виду погруженная в чтение своей книжки с картинками, ловила на лету. Ссоры отца с матерью были для нее предметом постоянных размышлений. В Ренне супруги занимали общую комнату, расположенную прямо над ее спальней, и она часто слышала шум их пререканий. Но в Сарразаке мадам Форжо расположилась одна в так называемой комнате хозяев. А полковник спал на первом этаже, на диване в гостиной, — как он объяснял, «из-за воров». Но никаких воров в округе не было. Однажды, когда Клер и Леонтина пошли в деревню, мясник, ухмыляясь, бросил служанке:

— Ну, ваш полковник — кавалер хоть куда!

«Кавалер? Почему кавалер? — раздумывала девочка. — Может, он хотел сказать „кавалерист“?»

По воскресеньям после кладбища и перед тем, как сесть в коляску, мадам Форжо заходила в кондитерскую Кейрола́ и покупала заварные пирожные с кремом — воскресное лакомство. Этот кондитер, бывший наездник, разделял политические убеждения полковника.

— Вы не поверите, господин полковник! Новый командир жандармерии — красный!

— Ну что ж, он стремится сделать карьеру, — желчно говорил полковник. — Только как бы ему не промахнуться: Франция еще воспрянет.

— Ох, не знаю, господин полковник. Такая ненависть кругом, прямо невероятно... Еще хуже, чем в Революцию.

По воскресеньям после обеда Клер охотно вернулась бы в деревню, на вечернюю службу; ей хотелось еще раз подышать священным запахом ладана, послушать *Magnificat*¹ и окунуться в мягкие волны органных мелодий. Но полковник был против:

— Это невозможно... Лошади слишком устали. Поиграй здесь.

«Поиграй»... легко сказать! У Клер не было друзей: одни дома закрыли перед ней двери из-за местных вендетт, другие пустовали — многие семьи проводили зиму в Париже или Лиможе. И Клер, пообедав, шла искать приют в кухне, где топившаяся печь давала ровное постоянное тепло. Толстуха Мари, повязав косынку на голову, потрошила курицу или лушила горох. Она всегда находила дело для Клер:

— А ну-ка натолки мне сахара... А потом взбей белки, да как следует...

Ах, до чего же приятно было вращать венчик, быстро-быстро, смотреть, как вздувается сладкая воздушная масса, а заодно прислушиваться к дерзкой болтовне служанок. Однако Леонтина, преданная и богобоязненная душа, считала себя ответственной за Клер и уводила ее прежде, чем девушки переходили границы приличия.

— А что это сказала Мари, а?.. Ну, Титина, что это она сказала про девушку, которую повалил парень? Почему все смеялись, разве это смешно, Титиночка?

— Ничуть не смешно! Здешние люди прямо как животные!

¹ *Магнификат* (от первого слова лат. текста «*Magnificat anima mea Dominum*» — «Величит душа моя Господа») — хвалебная песня на текст славословия Девы Марии из Евангелия.

Леонтина сама была уроженкой этого края, но ее мать, работавшая горничной у сенатора, строго воспитала ее. Она много читала и даже, получая всего тридцать франков месячного жалованья, подписывалась на «*Veillées des Chaumières*» («Посиделки в хижинах») — еженедельный иллюстрированный журнал с романтическими и религиозными историями, который после прочтения одалживала чете Ларноди.

— Надобно оградить персонал от дурных книг, — говорила она.

Леонтина знала наизусть стихи Луизы Аккерман¹ и Марселины Деборд-Вальмор². По воскресным дням она читала Клер «Дневник Маргариты» — жалостную нравоучительную историю. Маргарита плыла на корабле на остров Бурбон со всей своей семьей; ее младший брат, еще младенец, умирал на борту судна; ее лучшая подруга Мари также скончалась, только позже. Клер готова была слушать эту историю бесконечно.

— Но что же тебе нравится в этой книге? — недоуменно и насмешливо спрашивала ее мать.

— Смерть ребеночка и смерть Мари.

Второй историей, которую Клер без конца просила читать Леонтину, была «Тайна Фруа-Пиньона»³. Там было письмо юной девушки, которое Клер находила в высшей степени изысканным: «*Твоя навсегда, командор... Мари-Тереза Кардаво*». Клер могла часами повторять эти слова: «*Твоя навсегда, командор...*». Она не знала, кто такой командор, и не понимала точного смысла выражения: «*Твоя навсегда*». Но эти слова звучали, как музыка. Она долго сопротивлялась чтению молитв

¹ Луиза-Викторина Аккерман (1813–1890) — поэтесса.

² Марселина Деборд-Вальмор (1786–1859) — крупнейшая поэтесса французского романтизма.

³ Автор — писательница Бланш Легран (1863–1919).

с перебиранием четок, но стоило ей узнать, что четки называются *rosaire*, как она сразу пристрастилась к этому занятию. Слово *rosaire* напоминало о волшебных садах с розами, об аркадах и колоннах, увитых розовыми цветами. Две тетки Клер постриглись в монахини, и ей было известно, что одна из них, сестра Аньес-Анжелика, жила в монастыре «Птицы». Клер так и представляла ее себе живущей в огромном вольере; тогда как вторая тетка, сестра Мари-Жозеф, находилась, по ее убеждению, в постоянной неподвижности, поскольку господин кюре говорил, что она принадлежит к «*созерцательному* ордену». Любое новое слово пускало корни в воображении девочки, давая обильный урожай образов и догадок.

Ближе к вечеру она ходила кормить сахаром лошадей и возвращалась домой в тот час, когда из долины поднимались белые нити ночного тумана. С этого момента девочка знала, что воскресенье будет похоже на все прочие дни. За обедом отец опять начнет говорить о черепице, урожае и армии; вечер она проведет у камина, между подставками для дров; мадам Форжо снова займется своей вышивкой, а полковник, заложив руки за спину, будет, как всегда, вышагивать по гостиной, проклиная правительство; потом войдет Леонтина, а дальше — холодная лестница, ведущая в башню, угасание хилого огня на поленьях, ужас ночной тьмы и, наконец, спасительный сон.

V

Полковник Форжо был незлым человеком, но тридцать лет командования выработали у него привычку к полному повиновению окружающих. Его красивое, спокойное лицо и прямой взгляд говорили о бесхитростном сердце, зато голос звучал резко и безжалостно:

— Молчи! Не прекословь! Не спорь!

Так он отвечал Клер, стоило той задать какой-нибудь вопрос. Как-то вечером девочка призналась, что медлит покинуть гостиную, потому что боится темноты, и полковник тут же приказал ей выйти из дому, притом одной, в ночном мраке:

— Дойдешь до сосновой рощи и принесешь мне ветку в доказательство того, что ты исполнила приказ!

Обеспокоенная Леонтина надела на малышку пальто, проводила до двери и тихонько спросила:

— Хочешь, я пойду с тобой?

Но Клер сердито отказалась. Ночь была безлунная, и парадная аллея перед замком напоминала черный туннель. Девочка медленно продвигалась по ней, протянув вперед руки, чтобы не наткнуться на ветви деревьев, которые мрачной угрожающей тенью смыкались на ее пути. Доносившийся справа шум — плеск воды и бульканье воздушных пузырей — возвещал о близости пруда с его скользкими лягушками. Вдали, на равнине, проходил поезд, и его пыхтение напоминало грозные голоса сказочных чудовищ. Но вот пруд остался позади, значит еловый лес уже недалеко. Клер споткнулась о кочку, поскользнулась, упала, вскрикнула, но тут же нащупала под собой клейкие от смолы сосновые иголки. Встав на ноги, она на ощупь выбрала развесистую ветку, отломил ее и так же медленно побрела назад, к дому. Возвращаться было легче: теперь она ориентировалась на свет из окон замка. Войдя в гостиную, она молча, с вызывающим видом, протянула ветку отцу. С тех пор она перестала бояться темноты.

В другой раз Клер решила нарезать хлеб на кухне и сильно поранила ножом руку; началось обильное кровотечение. От боли и вида крови она разрыдалась так громко, что это услышал полковник.

— И не стыдно тебе голосить из-за простого пореза! — сказал он. — Бери пример с солдат, которым на поле боя оторвало снарядом руку или ногу, — они терпеливо ждут, когда их подберут санитары!

Клер была пристыжена и с этого дня принялась, втайне от взрослых, подвергать себя множеству испытаний, чтобы покончить со своей изнеженностью. Каждое утро за завтраком она прижимала ладошку к горячему кофейнику, стараясь терпеть боль все дольше и дольше. «Не хочу! Не хочу! — твердила она себе. — Не хочу! Не хочу!» Спустя какое-то время она могла безбоязненно брать в руки предметы, одно прикосновение к которым еще полгода назад заставило бы ее завопить от боли.

— Эта малышка абсолютно бесчувственна! — говорила ее мать.

Она ошибалась: Клер просто отказывалась чувствовать. Однако ей так и не удалось смириться с другой манерой отца — принуждать к постоянной деятельности всех, кто от него зависел. Полковник не выносил вида человека, который среди бела дня спокойно сидел без дела.

— А ну-ка, вставай! — командовал он дочери. — Иди побегай! Или поиграй в серсо.

— Я уже пробовала, — отвечала Клер. — На улице слишком холодно.

— Холодно? Да у тебя просто кровь ледяная!

— Клер родилась ледышкой! — сетовала мадам Форжо. — И с тех пор никак не может согреться.

— Черт возьми, да она попросту не упражняется! — сердился полковник. — Ну, можешь ты мне объяснить, что ты делаешь одна там, на лестнице?

Нет, Клер не могла объяснить, что она рассказывает себе всякие истории, что ее пальцы превращаются

Моруа А.

М 80 Земля обетованная : роман / Андре Моруа ; пер. с фр. И. Волевич. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-11800-3

Андре Моруа, классик французской литературы XX века, автор знаменитых романизированных биографий Дюма, Бальзака, Виктора Гюго и др., считается подлинным мастером психологической прозы.

В своем романе «Земля обетованная» писатель вновь затрагивает ту же тему, что в знаменитых «Письмах к незнакомке» или «Превратностях любви», — а именно «науку страсти нежной». Героиню романа — прелестную мечтательницу Клер физическая сторона любви отталкивает и в то же время притягивает. Однако влечение, которое испытывают к ней представители сильного пола, кажется ей вульгарным и едва ли не пошлым. Навешивая на знакомых ярлыки, молодая женщина не понимает, что сосредоточена лишь на собственных чувствах, стихах и дневниковых записях. Беда Клер — в неспособности проникнуть во внутренний мир близких людей, в уверенности, что взаимопонимание неизбежно. И лишь в экстремальных обстоятельствах ей удастся выйти за пределы очерченного круга.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

АНДРЕ МОРУА
ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Ирина Киселева, Ксения Казак
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.07.2016. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 15,51. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YVAK1982701R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, non-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/